

О СКАЗКАХ

ЗАМЕТКИ О СКАЗКАХ ПУШКИНА

У каждого возраста свой Пушкин. Для маленьких читателей — это сказки. Для десятилетних — «Руслан». В двенадцать — тринадцать лет нам открываются пушкинская проза, «Полтава», «Медный всадник». В юношеские годы — «Онегин» и лирика.

А потом — и стихи, и проза, и лирика, и поэмы, и драматические произведения, и эпиграммы, и статьи, и дневники, и письма... И это уже навсегда!

С Пушкиным мы не расстаемся до старости, до конца жизни. Только в зрелом возрасте мы постигаем удивительное сочетание простоты и сложности, прозрачности и глубины в пушкинских стихах и прозе.

Имя Пушкина, черты его лица входят в наше сознание в самом раннем детстве, а первые услышанные или прочитанные нами стихи его мы принимаем как подарок, всю ценность которого узнаешь только с годами.

Помню, лет шестьдесят тому назад замечательный русский композитор Анатолий Константинович Лядов, которого я встретил под Новый год у критика В. В. Стасова, спросил меня:

— Любите ли вы Пушкина?

Мне было в то время лет четырнадцать, и я ответил ему так, как ответило бы тогда большинство подростков, имеющих пристрастие к стихам:

— Я больше люблю Лермонтова!

Лядов наклонился ко мне и сказал убедительно и ласково:

— Милый, любите Пушкина!

Это отнюдь не значило: «Перестаньте любить Лермонтова».

Лермонтов рано овладевает нашим воображением и навсегда удерживает в душе у нас свое особенное место. Но постичь величавую простоту пушкинского стиля не так-то просто. Разумеется, рано или поздно Пушкин открылся бы мне во всей своей глубине и блеске и без отеческого наставления А. К. Лядова. И все же я до сих пор благодарен ему за доброе напутствие и полагаю, что дети нашего времени будут не менее благодарны своим педагогам и родителям за столь же своевременный совет:

— Милые, любите Пушкина!

В каком возрасте становятся понятны детям пушкинские стихи?

Трудно определить с математической точностью границы читательских возрастов. Но пусть эти сказки будут в каждой нашей семье наготове, пусть ждут они того времени, когда ребенок начнет понимать их смысл или хотя бы любить их звучание.

Ведь не только страницы книг, но и самые простые явления жизни дети начинают понимать не сразу и не целиком.

Как известно, далеко не все современники поэта оценили его сказки по достоинству. Были люди, которые жалели, что Пушкин спускается с высот своих поэм в область простонародной сказки.

А между тем в «Царе Салтане», в «Мертвой царевне» и в «Золотом петушке» Пушкин — тот же, что и в поэмах. Каждая строчка сказок хранит частицу души поэта, как и его лирические стихи. Слова в них так же скупы, чувства столь же щедры. Но пожалуй, в сказках

художественные средства, которыми пользуется поэт, еще лаконичнее и строже, чем в «Онегине», «Полтаве» и в лирических стихах.

Зимний пейзаж, являющийся иной раз у Пушкина сюжетом целого стихотворения («Мороз и солнце; день чудесный!») или «Зима. Что делать нам в деревне?», дается в сказке всего двумя-тремя строчками:

...вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля¹.

Так же немногословно передает поэт в сказках чувства, душевные движения своих действующих лиц:

Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издавеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла².

Одна пушкинская строчка: «Тяжелешенько вздохнула» — говорит больше, чем могли бы сказать целые страницы прозы или стихов.

Так печально и ласково звучит это слово «тяжелешенько», будто его произнес не автор сказки, а кто-то свой, близкий, может быть мамка или нянька молодой царицы.

Да и в самом этом стихе, который, при всей своей легкости, выдерживает такое длинное, многосложное слово, и в следующей строчке — «Восхищенья не снесла» — как бы слышится последний вздох умирающей.

¹ А. С. Пушкин «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833). (*Здесь и далее, кроме указанных особо, примеч. ред.*).

² Оттуда же.

Только в подлинно народной песне встречается порою такое же скромное, сдержанное и глубокое выражение человеческих чувств и переживаний.

Слушая сказки Пушкина, мы с малых лет учимся ценить чистое, простое, чуждое преувеличения и напыщенности слово.

Просто и прочно строится в «Царе Салтане», и в «Сказке о рыбаке и рыбке», и в «Золотом петушке» фраза. В ней нет никаких украшений, очень мало подробностей.

Вспомните описания моря в лирических стихах или в «Евгении Онегине».

Я помню море пред грозой:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!

И сравните эти строки с изображением моря в «Царе Салтане»:

Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.

Здесь очень мало слов — все наперечет. Но какими огромными кажутся нам из-за отсутствия подробностей и небо и море, занимающие в стихах по целой строчке.

И как не случайно то, что небо помещено в верхней строчке, а море — в нижней!

В этом пейзаже, нарисованном несколькими чертами, нет берегов, и море с одинокой бочкой кажется нам безбрежным и пустынным.

Правда, в том же «Салтане» есть и более подробное изображение морских волн, но и оно лаконично до предела:

В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,

Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря...

Пушкин и всегда был скуп на прилагательные. А в сказках особенно. Вы найдете у него целые строфы без единого прилагательного. Предложения составлены только из существительных и глаголов. Это придает особую действенность стиху.

Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Сколько силы и энергии в этих шести строчках, в этой цепи глаголов: «поднялся», «уперся», «понатужился», «молвил», «вышиб» и «вышел»!

Радость действия, борьбы — вот что внушают читателю-ребенку эти шесть строк. И завершаются они победой: вышиб и вышел.

И в поэмах пушкинских вы найдете такую же цепь глаголов, придающую действию стремительность, — в изображении Полтавской битвы или в описании боевого коня:

...Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могучим седоком¹.

Сказки не были предназначены для детей. Но как соответствует их словесный строй требованиям читателя-ребенка, не останавливающегося на описаниях и подробностях и жадно воспринимающего в рассказе действие.

Как легко запоминается детьми это чудесное шестистишие из «Салтана» («Сын на ножки поднялся»), по-

¹ А. С. Пушкин «Полтава» (1828).

хожее на «считалку» в детской игре. Оно и кончается, как считалка, словами: «вышел вон».

И вся сказка запоминается без труда не только потому, что написана легким и энергическим стихом, но и потому, что состоит из отдельных внутренне и внешне законченных частей.

В сущности, и те две строчки, в которых изображены небо, море и плывущая бочка, тоже представляют собою вполне законченную картину, так же как и строфы, в которых появляются из пены морской тридцать три богатыря или изображается ручная белка в хрустальном домике:

Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет
Да орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут...

Все эти законченные части сказки представляют собою как бы звенья одной цепи, отдельные звезды, из которых состоит созвездие — сказка.

Но для того чтобы получилось такое созвездие, каждая его составная часть должна быть звездой, должна светиться поэтическим блеском. В сказках Пушкина нет «мостов», то есть служебных строк, задача которых сводится к тому, чтобы пересказывать по обязанности сюжет, двигать действие. Ни в одной строчке поэту не изменяет вдохновение.

Пушкинский стих всегда работает и умеет передавать ритм движения, борьбы, труда.

Вот как на глазах у читателей мастерит себе лук и стрелу юный князь Гвидон:

Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

Эти простые и скромные строчки из сказки поражают своей законченностью, сжатостью, эпиграмматической остротой и точностью. Недаром они перекликаются с известной пушкинской эпиграммой:

О чем, прозаик, ты хлопчешь?
Давай мне мысль, какую хочешь:
Ее с конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!¹

Пожалуй, ни один из поэтов так не чувствовал вдохновения борьбы, «упоеания в бою», как Пушкин. Во всей мировой поэзии вы вряд ли найдете строки, равные по силе изображению Полтавского боя:

...Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь — как Божия гроза...

Эти стихи, прочитанные в ранней юности, навсегда остаются в памяти. Лишь какое-нибудь грозное и величественное явление природы сравнится по силе и све-

¹ А. С. Пушкин «Прозаик и поэт» (1825).

жести впечатления с тем могучим разрядом поэтической энергии, который мы ощущаем в изображении Полтавской битвы.

Только на вершине вдохновения могли сложиться строки:

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны...

Но Пушкин трезво владеет своим вдохновением. Вслед за этими патетическими стихами, в которых звучат торжественные архаизмы — «сии», «времены», — идут простые, скупые строки:

И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин...

Эти строки придают стихам какую-то суровую, деловую энергию сжатой исторической хроники. Быть может, мы гораздо меньше поверили бы в реальность всей сцены, изображающей объезд войск, если бы вместо строгого ряда прославленных имен нашли в ней поэтическое описание всадников и коней.

Поэт знает, что стремительность эпизода не допускает лишних деталей. И только ритм стихов напоминает читателю о том, что спутники Петра —

И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин —

скачут верхом.

В сказках Пушкин еще реже пользуется поэтически-ми фигурами, чем в поэмах. Он создает живой, зримый образ, почти не прибегая к изысканным сравнениям и метафорам. Один и тот же стихотворный размер

передает у него и полет шмеля или комара, и пушечную пальбу, и раскаты грома.

Такие стихи требуют от читателя гораздо больше пристального, сосредоточенного внимания, чем многозвонные, бьющие на эффект произведения стихотворцев-декламаторов.

Воспитывать это чуткое внимание надо с малых лет.

Дети почувствуют прелесть пушкинских сказок и в том случае, если будут читать их сами. Но еще больше оценят они стихи, если услышат их в хорошем чтении. Не декламация нужна, а четкое, толковое, верное ритму чтение. И прежде всего нужно, чтобы взрослый человек, читающий детям сказки, сам чувствовал прелесть русского слова и пушкинского стиха.

Пусть обратит он внимание на то, какими простыми средствами достигает поэт предельной изобразительности, как много значат в его стихах не только каждое слово, но и каждый звук, каждая гласная и согласная.

Когда Гвидон превращается в комара, про него говорится в стихах так:

Полетел и запищал...

Или:

А комар-то злится, злится...

А когда он же превращается в шмеля, про него сказано:

Полетел и жужжал...

И дальше:

Он над ней жужжит, кружится...

Я не думаю, что мы должны объяснять ребенку, какое значение имеют в этих стихах звуки «з» и «ж», характеризующие полет комара и шмеля. Пусть дети чувствуют звуковую окраску стихов, не занимаясь анализом. Но мы-то сами, прежде чем прочесть стихи детям, должны хорошо услышать все эти «з», «ж», длинное,

высокое «и» — в слове «злится» и низкое, гулкое «у» — в словах «кружится» и «жужжит».

Нельзя по-настоящему оценить сказки Пушкина, не заметив, как разнообразно звучит у него, в зависимости от содержания стихов, один и тот же стихотворный размер.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят¹.

Сколько в этом размере бодрости, стремительности, свободы.

А вот тот же стих в других обстоятельствах.

Царь Дадон (из «Золотого петушка») не получает вестей с войны от своих сыновей и ведет войско в горы им на помощь. Вот что он видит в горах:

Перед ним его два сына,
Без шоломов и без лат,
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По приотпанной траве,
По кровавой мураве...

Стихотворный размер в этом отрывке тот же, что и в предыдущем, но как различен их ритм!

В первом отрывке торжествует жизнь, во втором — смерть.

Величайший мастер стиха, Пушкин умеет, не меняя стихотворного размера, придавать ему любой оттенок — грусти, радости, тревоги, смутения.

¹ А. С. Пушкин «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебеди» (1831).

Ритм в его строчках — лучший толкователь содержания и верный ключ к характеристике действующих лиц сказки:

Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.

Плавно и просторно ложатся слова в этом изображении величавой птицы.

Но тот же стих звучит частым говорком при упоминании других персонажей «Сказки о царе Салтане»:

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.

«Салтан», «Мертвая царевна» и «Золотой петушок» написаны легким и беглым четырехстопным хореем. Этим же размером пользовались в своих сказках множество стихотворцев от Пушкина до наших дней. И не раз люди, гоняющиеся за кратковременной модой и не дорожащие традициями русской поэзии, ставили вопрос: не устарел ли этот размер, не слишком ли он прост и беден?

Пушкинские сказки при внимательном изучении показывают, как зависит качество стиха от его содержания. Стих беден, когда ничем не наполнен, когда идет порожняком, когда представляет собою рубленую прозу.

И тот же размер таит неисчерпаемые возможности для передачи богатого содержания. Он не похож на привычный четырехстопный хорей, он неузнаваем, когда облекает новые чувства, мысли, новый материал.

Стихотворный ритм в сказках Пушкина служит могучим подспорьем точному и меткому слову. Свободный, причудливый, он живо отзывается на юмор и на пафос каждой строфы и строчки.

Свободно и стремительно движется сказка, создавая на лету беглые, но навсегда запоминающиеся кар-

тины природы, образы людей, зверей, волшебных существ.

А между тем за этой веселой свободой сказочного повествования, ничуть не отяжеляя его, кроется серьезная мысль, глубокая мораль.

Где, в каких словах сказки находит выражение ее основная идея? На этот вопрос подчас не так-то легко ответить, потому что мораль пронизывает всю сказку от начала до конца, а не плавает на поверхности.

Моральному выводу не нужно особо отведенных строк, ибо он занимает столько же места, сколько и вся сказка.

Только историю жадного попа и работника его Балды поэт кончает прямым нравоучением, да и оно уместится в одной строке — в заключительных словах Балды:

Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной.

А в такой поучительной сказке, как «Сказка о рыбаке и рыбке», и совсем нет отдельного нравоучения. Его с успехом заменяет нарисованная в последних трех строчках картина:

Глядь: опять перед ним землянка,
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

Недаром это «разбитое корыто» вошло в поговорку.

«Царь Салтан» кончается не моралью, а веселым пиром, как и многие народные сказки. Но на протяжении всей этой сказочной поэмы свет так явственно противопоставляется тьме, добро — злу и справедливость — несправедливости, что читатель всей душой участвует в заключительном пире, празднуя победу молодого, отважного и великодушного Гвидона над кознями врагов, над темным, душным запечным миром поварихи, ткачихи и сватьи бабы Бабарихи.

Пушкинская сказка — прямая наследница сказки народной. В созданиях народной поэзии Пушкина привлекают не только фабула и причудливые узоры внешней формы, но прежде всего реалистическая основа, их нравственное содержание.

Не приходится и говорить о том, какая глубокая социальная правда кроется в тяжбе работника Балды с хозяином-попом, в неравном споре мудреца-звездочета с вероломным царем Дадоном.

Гневной горечью звучат слова покинутой князем девушки, мельниковой дочери, из драматической сказки «Русалка»:

Им любо сердце княжеское тешить
Бедами нашими...

Вот это-то замечательное сочетание нравственной и социальной правды с безупречно отлитой формой и делает сказки Пушкина особенно драгоценными для нашего времени.

Прекрасным наследием пушкинской сказочной поэзии почти не пользовались крупные поэты всего прошлого века и начала нынешнего. После Пушкина и Ершова на протяжении многих десятилетий так мало было создано выдающихся стихотворных сказок.

Дело наших поэтов — принять это обязывающее наследие.

Работая над сказкой, поэты, разумеется, не будут ученически повторять Пушкина. Он неповторим. Да и у каждой эпохи, а у нашей особенно, — свои задачи, свой стиль. К тому же советские поэты располагают не только пушкинским наследием, но и поэтическим опытом своих прямых предшественников и современников.

И все же чистота, ясность, живая действенность пушкинского сказочного слова будут всегда для нас эталоном — золотой мерой поэтического совершенства.

1949

МАСТЕР СНОВ И СКАЗОК

Мы уважаем народы за их открытия, изобретения, за их творческое участие в мировой истории.

Но по-настоящему любить и понимать незнакомый нам народ мы начинаем только после того, как нас пленит и тронет его искусство.

Сольвейг Ибсена и Грига¹ — вот что сближает нас с Норвегией, издаലെка показывает нам ее скалы и фиорды, ее растрепанные морским ветром сосны, ее людей, простых и суровых, как сама природа Норвегии.

Бетховен и Гёте, Шиллер и Гейне — это они показали нам подлинную душу Германии.

Одного Бернса хватило бы, чтобы навсегда сдружить нас с Шотландией...

А есть на свете страна, которую мы узнаем и начинаем любить с самого раннего возраста.

Это Дания. Маленькая северная страна, с трех сторон окруженная морем, пленяет нас с детства потому, что в ней жил и писал величайший сказочник мира Ганс Христиан Андерсен.

Он входит в наши дома прежде, чем мы научились читать, — входит легкой, почти неслышной поступью, как прославленный им волшебник, мастер снов и сказок, маленький Оле-Лукойе — тот самый Оле-закройглазки, который появляется у постели детей по вечерам, без башмаков, в толстых чулках, с двумя зонтиками под мышкой.

Один зонтик у него весь расшит и разрисован цветными узорами и картинками. Оле раскрывает его над хорошими детьми. Другой зонтик — гладкий, простой, без картинок. Если его раскроют над вами, вы не увидите ночью ничего, кроме темноты.

¹ *Сольвейг* — героиня пьесы Генрика Ибсена «Пер Гюнт». Мюзыку к пьесе написал Эдвард Григ.

Андерсен добрее своего маленького Лукойе. Он никогда не оставляет вас в темноте.

Пестрый зонтик, который он раскрывает над вами, — это сказочное небо андерсеновского мира, расшитое чудесными, неожиданными узорами. Их можно рассматривать без конца.

Чего только тут нет!

Эльфы и тролли народной сказки, крошечная девочка Дюймовочка, вышедшая на белый свет из тюльпана, печальная маленькая русалка, подплывающая под самые окна человеческого жилья, прозрачный дворец из тончайшего китайского фарфора и детские салазки, летящие в холодном вихре вслед за большими белыми санями снежной королевы...

И во всей этой безмерной, богатой, щедрой фантастике — какое чувство меры и правды!

Волшебное царство превращается у Андерсена в жилой, понятный, знакомый мир. Чудесное так смело и удивительно сменяется у него реальным, простым, осязаемым, что мы чувствуем себя как дома и в пещере, где живут ветры, и в подводном саду морской царевны, и в лесном холме, полном таинственной жизни.

Но зато дома, в самой обыкновенной комнате, мы встречаемся с чудесами, которые обступают нас со всех сторон.

Резной козлоногий человек со старинного шкафа сватается к фарфоровой пастушке, и она вместе со своим другом, игрушечным трубочистом, прячется от козлоногого в печной трубе. Чайники, кастрюли и спички на кухне судачат, спорят о том, кто из них важнее, и рассказывают друг другу сказки. Старинные кожаные обои задумчиво шелестят:

Позолота сотрется,
Свиная кожа остается...

Чувство меры и правды — вот что отличает Андерсена от слащавых и рассудочных сказочников-эпиго-

нов, утративших связь с мудрой и сердечной народной поэзией.

У Андерсена нет и следа ложной красоты.

Суrowая старуха, мать четырех ветров, похожая на датскую домовитую крестьянку, для острастки сажает своих разбушевавшихся сыновей в мешки, самые обыкновенные, большие и прочные мешки.

Лесной царь чистит свою золотую корону толченым грифелем, а для этого необходимы грифели первых учеников.

Хлопья метели, кружащиеся у ног снежной королевы, превращаются, разрастаясь, не в серебряных лебедей, а просто-напросто в крупных белых кур.

Впрочем, есть в сказках Андерсена и лебеди. Но один из самых прекрасных лебедей появляется перед нами в образе «гадкого утенка», которому приходится пережить столько гонений и бедствий, выслушать столько брюзгливых поучений от благонравной курицы и самодовольного кота. И только в самом конце сказки он раскрывает широкие лебединые крылья и узнает, что он — лебедь.

Можно сказать с полной уверенностью, что в своих волшебных сказках Андерсен рассказал больше и правдивее о реальном мире, чем очень многие романисты, претендующие на звание бытописателей.

Трудно найти более точное изображение глупого и церемонного светского общества, чем в той же сказке о гадком утенке.

Правда, старая дама, от которой зависит прием новичка в избранный круг, именуется у Андерсена не баронессой и не госпожой советницей, а всего только уткой испанской породы с красным лоскутом на лапке, но от этого она отнюдь не становится менее типичной.

Норвежские тролли, приехавшие в Данию, чтобы посвататься к дочерям лесного царя, ведут себя как заправские бурши, наглые, грубые и разнузданные.

Находясь в гостях в чужой стране, они кладут ноги на стол и, разувшись для удобства, дают дамам поддерживать свои сапоги. В конце концов от женитьбы они отказываются — им больше нравится оставаться кутилами-холостяками, пить «на брудершафт» и произносить заплетающимся языком заздравные речи.

Я уже не говорю о таких откровенно сатирических сказках, как, например, «Свинья-копилка».

Эта глиняная, стоящая на самой верхушке шкафа, так сказать, «высокопоставленная» свинья, набитая до отказа деньгами и потому презирающая все, что не продается и не покупается, может служить настоящим символом.

Конец сказки так же поучителен, как и ее начало. Глиняная свинья разбилась на тысячи осколков, и эти осколки вымели вместе с прочим мусором.

Правда, на смену разбитой свинье явилась другая свинья-копилка, столь же «высокопоставленная», и ее отдаленные потомки, как об этом сообщают газеты, включили сказки Андерсена в число запрещенных книг¹. Однако нет никакого сомнения в том, что если какая-нибудь очень злая свинья и может съесть несколько хороших книг, то в целом мире свинство не съест человечества, его культуры, его искусства.

Всему праздному, надменному, самодовольному миру, где царствует свинья-копилка, Андерсен противопоставляет другой мир — труда, вдохновения, мужества.

Маленькая Герда, разыскивающая Кая по всему свету, гадкий утенок и даже игрушечный оловянный солдатик на одной ноге — все это образцы стойкости, твердой воли и нежного сердца.

¹ Датская газета «Экстрабладет», ссылаясь на американский журнал «Ньюсуик», сообщает, что инспектор полиции города Детройта (США) Герберт В. Кайе включил произведения Андерсена в список книг, подлежащих изъятию. (*Примеч. автора.*)

Любимые герои Андерсена — простые и чистые люди.

В одной из его коротеньких сказок («Ребяческая болтовня») дети, собравшиеся на праздник, хвастаются богатством и знатностью своих родителей. Маленькая нарядная девочка, дочь камер-юнкера, высокомерно заявляет, что из человека, у которого фамилия кончается на «сен» (а так кончаются почти все простонародные датские фамилии), ничего путного не может выйти.

Эти разговоры случайно слышит мальчик, прислуживающий на кухне. Понурив голову, уходит он домой. Горько знать, что, как ты ни старайся, проку из тебя не будет, потому что твоя фамилия кончается на «сен»: *Торвальдсен!*

У героев Андерсена фамилии, даже если они не названы, всегда кончаются на «сен», как у самого автора и его знаменитого соотечественника, скульптора Торвальдсена.

Андерсен вышел из глубины простого народа. В наследство он получил все богатство народной поэзии, глубокое знание жизни и безупречное чувство справедливости.

Вот почему все народы мира кладут своим детям в изголовье как лучший подарок сказки Андерсена.

У нас в стране он давно уже обрел вторую родину.

Лев Толстой, Добролюбов, Горький с благодарностью и нежностью называли его имя.

Поколение за поколением воспитывалось на его сказках, радуясь, негодуя и сочувствуя до слез его героям.

А с тех пор как у нас не стало бесписьменных народов, он проник в самую глубь нашей страны — в ее горы, в леса и степи.

Пожалуй, сам Ганс Христиан Андерсен, величайший мастер изумлять людей полетом воображения, удивился бы, если бы узнал, по каким необъятным просторам земли странствуют его нестареющие сказки.

1955

«СКАЗКА, ВОЗБУЖДАЮЩАЯ НАРОДНОЕ ЧУВСТВО»

У Льва Николаевича Толстого есть одно произведение, в высшей степени замечательное, хоть и не очень известное, на ту же тему, что и «Война и мир», — об Отечественной войне 1812 года.

Толстой рассказал как-то деревенским школьникам, своим ученикам, всю эпопею войны с Наполеоном.

По уговору со школьным учителем он рассказывал им русскую историю «с конца», то есть с новейших времен, а учитель — «с начала», с древнейших.

История «с конца» занимала слушателей гораздо больше, чем история «с начала», — может быть, именно потому, что рассказчиком был Лев Толстой.

Он начал свою историю с Французской революции, рассказал об успехах Наполеона, о завладении им властью и о войне.

«Как только дошло дело до нас, — пишет Лев Николаевич, — со всех сторон послышались звуки и слова живого участия.

— Что ж, он и нас завоюет?..

Когда не покорился ему Александр... все выразили одобрение. Когда Наполеон с двенадцатью языками пошел на нас, взбунтовал немцев, Польшу, — все замерли от волнения.

Немец, мой товарищ, стоял в комнате.

— А, и вы на нас! — сказал ему Петька...

Отступление наших войск мучило слушателей так, что со всех сторон спрашивали объяснений: зачем? И ругали Кутузова и Барклая.

— Плох твой Кутузов.

— Ты погоди, — говорил другой...

Как пришел Наполеон в Москву и ждал ключей и поклонов, — все загрохотало от сознания непокоримости.

Пожар Москвы, разумеется, одобрен. Наконец наступило торжество — отступление.

— Как он вышел из Москвы, тут Кутузов погнал его и пошел бить, — сказал я.

— Окарячил его! — поправил меня Федька, который, весь красный, сидел против меня и от волнения корчил свои тоненькие черные пальцы...

Как только он сказал это, так вся комната застонала от гордого восторга...

— Так-то лучше! Вот те и ключи...

Потом я продолжал, как мы погнали француза...

...как перешли мы границу, и немцы, что против нас были, повернули за нас, кто-то вспомнил немца, стоявшего в комнате.

— А, вы так-то? То на нас, а как сила не берет, так с нами?

И вдруг все поднялись и начали ухать на немца так, что гул на улице был слышен. Когда они успокоились, я продолжал, как мы проводили Наполеона до Парижа... торжествовали, пировали...»

На этом кончает Толстой свою историю Отечественной войны для детей.

Расходились его слушатели разгоряченные, взволнованные, полные боевого пыла.

«...все полетели под лестницу, кто обещаясь задать французу, кто укоряя немца, кто повторяя, как Кутузов его окарячил».

В заключение Толстой приводит очень любопытный свой разговор с немцем, на которого ребята «ухали». Немец не одобрил рассказа Льва Николаевича.

«Вы совершенно по-русски рассказывали, — сказал он. — Вы бы послушали, как у нас совершенно иначе рассказывают эту историю».

Толстой ответил ему, что его рассказ — не история, а «сказка, возбуждающая народное чувство».

Я привел здесь этот отрывок из рассказа Льва Толстого потому, что вижу в нем магический ключ к на-

стоящей детской литературе, ключ, необходимый каждому из литераторов, пишущих для детей.

Толстому удалось труднейшее дело — превратить в сказку повесть об Отечественной войне и в то же время сохранить правду истории. Для того чтобы это сделать, нужно было не только владеть материалом «Войны и мира», но и отлично понимать особенности читателя-ребенка.

Сердцу и сознанию этого читателя больше всего говорит сказка — и волшебная сказка, и сказка-быль.

И та и другая может рассказать обо всем на свете — о краях и народах, о морях и звездах, о том, что близко, и о том, что за тридевять земель, о временах нынешних и давно минувших.

Толстому удалась историческая сказка. И, как в настоящей, в народной сказке, тут сначала горести и беды, а конец счастливый.

«...Мы проводили Наполеона до Парижа... торжествовали, пиروвали».

Не хватает только: «И я там был, мед-пиво пил».

Большой охват событий в быстром, даже стремительном движении, с высокими подъемами и крутыми спусками, с живым, неподдельным чувством рассказчика, со смелыми обобщениями и выводами, — все это одинаково необходимо и хорошей сказке для младшего возраста, и романтической юношеской повести.

Стремительный темп вовсе не означает беглости и суетливости. Рассказчик может быть нетороплив и обстоятелен, но никакие подробности не должны заслонять у него основного четкого контура идеи и сюжета.

А главное, — особенно когда речь идет о читателе младшего возраста, — повествование должно быть в достаточной мере утоляющим, вполне исчерпывающим сюжет, так, чтобы у читателя даже и не возникал вопрос: а что же было дальше?

Содержание

О СКАЗКАХ

Заметки о сказках Пушкина	5
Мастер снов и сказок	18
«Сказка, возбуждающая народное чувство»	23
Сколько лет сказке?	27

О МАСТЕРСТВЕ

Зачем пишут стихами?	48
О талантливом читателе	99
Мысли о словах	108
О хороших и плохих рифмах	117
Слово в строю	128
Свободный стих и свобода от стиха	134
О линейных мерах	142
Выбор дороги	148
Право на взаимность	156
О звучании слова	158
Об одном стихотворении	164
Ради жизни на земле	166
Портрет или копия? <i>Искусство перевода</i>	238
«Служба связи»	246
Набирающий высоту <i>О книгах стихов Расула Гамзатова</i>	250

ЗАМЕТКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Три юбилея	255
Пушкин и «младое племя»	263
Гоголь, прочитанный впервые	267
Горький — писатель и человек	271
Сила жизни	276

МИР В КАРТИНАХ

О большой литературе для маленьких

«Вдруг раздались чьи-то шаги»	278
«Кролик еще ждет своего писателя» <i>О детской литературе и критике</i>	283
Истоки чувств	295
Маяковский — детям	312
Командир тимуровцев	317
«Штурман дальнего плавания»	319
«Республика Шкид»	328
О живых и мертвых душах	345
Еще о поэзии познавательной книги	368
«Высокой страсти не имея...»	382
Литература — школе	395